

А.В. Колосов (г. Могилев)

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ ГРЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В последние годы в изучении финального палеолита и мезолита запада Восточной Европы наметилась тенденция к обобщению и теоретизации знаний. Свое первостепенное значение сегодня приобретают вопросы происхождения так называемой "культуры черешковых наконечников стрел", определения времени эйкуменизации северных широт Европы в поздне- и послеледниковое время. На фоне этих, казалось бы, более или менее разрешимых проблем, гренская культура Верхнего Поднепровья заслуживает особого внимания, поскольку является связующим звеном в эволюции культурных традиций между поздним и финальным палеолитом, с одной стороны, и мезолитом рассматриваемой территории – с другой.

Начиная с 1960-х гг., с момента выделения этой культуры В.Д. Будько [2], накоплена предостательная база источников, позволившая значительно расширить представления по вопросу заселения Восточной Беларуси в период деградации последнего ледника. Однако в процессе обобщения материалов в конце 1980-х – 1990-е гг. в историографии финального палеолита Верхнего Поднепровья четко обозначился так называемый "гренский вопрос" [1-3; 5; 6; 8; 9], в основе которого лежит: 1) происхождение гренской культуры; 2) хронология ее памятников; 3) основные пути адаптации гренским населением верховьев Днепра и его притоков. На современном этапе исследований гренская проблематика дополняется еще и определением места данной культуры в финальном палеолите и мезолите запада Восточно-Европейской (Русской) равнины, начиная от признания факта универсальности этого культурного явления до возможного (необходимого) его отрицания [11].

В рамках настоящей статьи я предлагаю кратко рассмотреть одну из актуальных проблем современной историографии каменного века Беларуси, связанной с определением временных рамок гренской культуры финального палеолита – мезолита Верхнего Поднепровья. Это позволит определить состояние и перспективы дальнейшего изучения данного и во многом неоднозначного, с историографической точки зрения, явления, а также понять сущность протекавших изменений в культуре древнего населения, обитавшего на западе Русской равнины в конце плейстоцена – начале голоцена.

Напомню, что свое научное обоснование гренская культура получила в исследованиях В.Д. Будько [2], который собственно ее и выделил, а также В.П. Ксензова [6; 7], В.Ф. Копытина [5], Е.Г. Калечиц [4]. Основная часть стоянок, отнесенных к гренской культуре, локализуется на территории Верхнего Поднепровья. За неимением абсолютных дат для памятников этого культурного

явления, мнения исследователей относительно ее возраста разделились и приобрели дискуссионный характер. Но какими бы не были взгляды на хронологию гренской культуры, каждое из них базировалось и базируется до сих пор на результатах сравнительного и, преимущественно, типологического анализа кремневого инвентаря, что, естественно, сужает возможности исследователей в решении данного вопроса.

Первая хронологическая схема для гренской культуры была предложена В.Д. Будько [2]. В ее основу легли сведения о стоянках Гренск, Подлужье и Коромка. Стратиграфические наблюдения и представление об эволюционном развитии форм орудий труда этих памятников позволили В.Д. Будько выделить три хронологических этапа в развитии "свидерско-гренской культуры". Памятники первого этапа им датировались ранним дриасом. Второй этап определялся временем не позднее беллинского интерстадиала, третий приходился на аллеред [2]. Однако позднейшие исследования гренских стоянок обнаружили ошибочность взглядов В.Д. Будько на проблему развития культуры и показали невозможность их применения для хронологических построений [1, с. 39-55; 5, с. 10-27, 32-47; 8, с. 23-25].

В.Ф. Копытин выделял две хронологические группы памятников гренской культуры [1, с. 39-55; 5, с. 10-27, 32-47]. В первую группу он включил стоянки Боровка, Коромка и Хвойная, и датировал их финальным палеолитом (12-10 тыс. лет назад). Вторая хронологическая группа была представлена стоянками Гренск, Могилевская, Лудчицы, Чигиринка и относилась к раннему мезолиту (10-8 тыс. лет назад). Такое хронологическое деление материалов гренской культуры, по мнению В.Ф. Копытина, было обосновано особенностями топографии стоянок: "все памятники раннего мезолита расположены ниже 150 м над уровнем моря" [1, с. 46], что не подтверждается современными научными исследованиями. Граница между комплексами финального палеолита и раннего мезолита В.Ф. Копытиным проводилась условно и строилась на представлении об эволюционном развитии техники расщепления кремня и отдельных форм орудий труда [1, с. 45-46; 5, с. 32].

Е.Г. Калечиц, разделяя в целом взгляды В. Копытина на хронологию гренской культуры, с учетом данных палеогеографии предлагает удревнить ее на два-три тысячелетия, поскольку "территория Восточной Беларуси южнее Оршы могла быть обжита практически весь период позднеледниковья, даже с 15 тысячелетия, когда ледник окончательно покинул границы Беларуси" [4, с. 53]. Примерно такого же мнения придерживается и брянский археолог А.А. Чубур, который определяет возраст гренских памятников "между 11000-13000 л.н." [12, с. 49].

С учетом новых геомагнитных датировок для памятников финального палеолита Валдайской возвышенности, отдельные из которых проявляют типологическое сходство со стоянками гренской культуры (Вышегора-1), Г.В. Сеницына предлагает "вернуться к точке зрения В.Д. Будько, который датировал среднюю группу гренской культуры временем не ранее беллинга и не позднее аллереда, т.е. 12,7-11,8 т.л.н., что согласуется с определением возраста погребенной почвы на стоянке Вышегора-1" [10, с. 170].

Безусловно, материалы Г.В. Сеницыной открывают новые перспективы в решении проблем генезиса и хронологии гренской культуры, характера культурно-исторических связей населения Верхнего Поднепровья в конце ледниковой эпохи. Однако следует помнить, что выводы В.Д. Будько, относительно хронологии выделенной им "свидерско-гренской культуры" строились на некорректной системе критики источников [1, с. 39-55; 5, с. 10-27, 32-47], поэтому нет никакой необходимости накладывать абсолютные даты, полученные для памятников Валдая, на хронологическую схему В.Д. Будько.

Л.Л. Зализняк, рассматривая хронологию и периодизацию красносельской культуры, определил время развития ее кремневой индустрии поздним дриасом [3, с. 46-51]. Он считает, что в конце аллередского потепления и в начале познедриасового похолодания происходит трансформация

памятников восточного лингби в красносельскую культуру. Последняя в начале пребореала стала основой для формирования иеневских и песочноровских древностей [3, с. 46–51]. Переходными от красносельской к иеневской и песочноровской культурам, по мнению Л.Л. Зализняка, являются верхнеднепровские памятники типа Боровка.

Концом финального палеолита и мезолитом датировал гренскую культуру В.П. Ксензов [7, с. 7–11; 8, с. 29–31]. В качестве хронологических реперов В.П. Ксензов использовал понятие об изменчивости форм орудий труда, скребково-резцовый показатель, наличие или отсутствие в составе коллекций геометрических микролитов – трапедий. Это позволило в развитии культуры выделить три хронологических этапа. Первый этап, по мнению В.П. Ксензова, приходился на поздний дриас (10800–10300 лет назад) и характеризовался материалами стоянок Аносово, Берестеново, Лудчицы и, возможно, Коромка. Второй этап датировался пребореалом – бореальным периодом (10300–8000 лет назад) и объединял стоянки Боровка, Орша-1, Гренск, Гута-1, Журавель, Песчаница и Хвойная. Третья хронологическая группа относилась к атлантическому времени (8000–7000 лет назад) и определялась материалами стоянок Рекорд, Речица-2 и Чижовка. Таким образом, посожские стоянки Гренск и Журавель относились к раннему мезолиту.

Однако такая схема временного развития гренской культуры не нашла поддержки среди отечественных исследователей [1, с. 39–55; 4, с. 47; 5, с. 12], т.к. возраст некоторых гренских стоянок, определенных В.П. Ксензовым, не соответствовал реальной палеогеографической ситуации. Дискуссионный характер приобрело датирование отдельных памятников гренской культуры поздним мезолитом только на основании факта присутствия в коллекции трапедий. Действительно, высокие и средневысокие трапедии сопровождают кремневый инвентарь стоянок Рекорд и Речица-2. Но сами коллекции этих памятников получены в результате поверхностных сборов. В них кроме гренских имеются материалы кудлаевской мезолитической культуры, неолита и бронзового века. Поэтому присутствие трапедий, по нашему мнению, не является надежным показателем позднемезолитического возраста гренской культуры, поскольку данная группа микролитов относится к числу кудлаевских находок, что признавал и сам В.П. Ксензов [6, с. 105–110]. Более того, коллекции стоянок Речица-2, Рекорд и Чижовка статистически не выражены, поэтому и не могут быть использованы для хронологических построений и тем более обоснования отдельного позднемезолитического этапа в развитии гренской культуры.

С учетом радиоуглеродных дат, возникновение кремневых комплексов с трапедиями в иеневской культуре междуручья Волги и Оки относится к другой половине пребореала – началу бореального времени [11]. К такому выводу приходит и Л.Л. Зализняк, когда рассматривает проблемы хронологии песочноровской культуры деснинского бассейна [3, с. 60–62].

Обращая внимание на весь круг проблем гренской культуры, нельзя обойти вниманием работы польских исследователей. Так, С. Козловски считает гренскую или деснинскую, по терминологии польских ученых, культуру палеолитической. "Палеолитический" аспект деснинской культуры, – пишет С. Козловски, – ее хронология, картографические данные и присутствие элементов деснинской культуры в свидерской, говорят о том, что эта культура позднего палеолита, сложившаяся еще в начале последнеледникового времени" [13, с. 99]. Начало же формирования деснинской культуры С. Козловски ведет от IX тыс. до н.э. и доводит время ее существования до раннего голоцена [13]. Именно после окончания ледниковой эпохи, как считает С. Козловски, происходит трансформация деснинских древностей в целый ряд "пост-деснинских" культур.

По мнению К. Шимчака деснинские элементы на памятниках северо-восточной Польши известны на протяжении аллереда – бореального времени [15, с. 70]. Аналогичных взглядов придерживался и отечественный исследователь В.С. Обуховский, который допускал возможное вза-

имодействие населения волкушанской культуры с гренским "не позднее середины дриаса III" [9, с. 159].

3. Сульгустовска для бореального времени отмечает широкие миграции гренского населения в западном направлении [14, с. 134]. Причиной такой активной мобильности гренских охотников, как считает исследовательница, был поиск и добыча гематита, месторождения которого известны около местечка Рыдно. Однако, несмотря на наличие в кремневых комплексах стоянок указанной территории ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой, нельзя согласиться с тем, что население гренской культуры Верхнего Поднепровья и тем более Посожья – региона богатого на залежи мелового кремня – намеренно совершали столь дальние походы за сырьем совершенно другого качества. Это подтверждается и отсутствием изделий из гематита в кремневом инвентаре днепровских и сожских стоянок гренской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археалогія Беларусі: у 4 т. / рэдкал.: М.В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 1997. – Т. 1: Каменны І бронзавы вякі / Э.М. Зайкоўскі [і інш.]. – 424 с.
2. Будько, В.Д. Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии / В.Д. Будько // Материалы и исследования по археологии СССР. – М. – Ленинград, 1966. – № 126: У истоков древних культур. – С. 35–46.
3. Зализняк, Л.Л. Фінальны палеоліт і мезоліт кантынентальнай Украіны. Культурны паділ та перыядызацыя / Л.Л. Зализняк // Кам'яна доба Украіны. – Київ: Шлях, 2005. – Вип. 8. – 184 с.
4. Калечиц, Е.Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е.Г. Калечиц. – Минск: Эксперспектива, 2003. – 223 с.
5. Копытин, В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В.Ф. Копытин. – Могилев: "Могилевское управление по печати, 1992. – 86 с.
6. Ксензов, В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В.П. Ксензов. – Мн.: Наука и техника, 1988. – 134 с.
7. Ксензов, В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси / В.П. Ксензов // Российская археология. – 1997. – № 1. – С. 5–20.
8. Ксензов, В.П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В.П. Ксензов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 13. – 170 с.
9. Обуховский, В.С. "Гренский след" в финальном палеолите междуручья Немана, Припяти и Вислы / В.С. Обуховский // Романовские чтения-3: сб. трудов Международной научной конференции (Могилев, 23–24 ноября 2006 г.); под ред. И.А. Марзалюка. – Могилев: УО "МГУ им. А.А. Кулешова", 2007. – С. 157–161.
10. Синицына, Г.В. Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена – голоцена / Г.В. Синицына // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики: материалы международной конференции. – М., 2008. – С. 161–172.
11. Сорокин, А. На переломе эпох / А. Сорокин, С. Ошибкина, А. Трусов. – М., 2009. – 387 с.
12. Чубур, А.А. От Хотылева до Гренска: взгляд на древнейшую историю центра Русской равнины / А.А. Чубур // Деснинские древности-III: сб. материалов межгос. науч. конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. – Брянск: Изд-во Клиновской городской типографии, 2004. – С. 43–50.
13. Kozłowski, S.K. Le Desnienien / S.K. Kozłowski // Anthropologie. – 1991. – XXIX/1-2. – S. 95–100.
14. Sulgostowska, Z. Kontakty społeczno-pię knopaleolitycznych i mezolitycznych między Odra, Dzwina i górnym Dniestrem / Z. Sulgostowska. – Warszawa, 2005. – 244 s.
15. Szymczak, K. Epoka kamienia Polski Północno-Wschodniej na tle środkowoeuropejskim / K. Szymczak. – Warszawa, 1995. – 191 s.